

АКТУАЛЬНІ ПИТАННЯ МІЖНАРОДНОГО ПРАВА

УДК 341.211/214
DOI <https://doi.org/10.32841/ILA.2019.21.01>

МЕЛЬНИК В. М.,
асистент кафедри політології
Київського національного університету імені Тараса Шевченка,
преподаватель кафедры философии и общественных наук
Винницького національного медичинського університету
імені Н. І. Пирогова,
член Американського товариства юридическої історії,
головний редактор научного журналу «Анналы юридическої історії»

ЗАМЕЧАНИЯ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВСУБЪЕКТНОСТИ ВАРВАРСКИХ КОРОЛЕВСТВ ЕВРОПЫ (V–VI ВЕКА)

Аннотация. Статья посвящена проблеме правосубъектности государств в эпоху поздней Античности и раннего Средневековья. Предмет авторского исследования – международный юридический статус варварских королевств, созданных на территории Западной Римской империи, после провозглашения Эдикта Феодосия (395 г. н. э.).

Ключевые слова: античность, средние века, варвары, Западная Римская империя, международный юридический статус, суверенитет, политическая независимость, юридическая независимость, *lex foedus*.

Постановка проблемы. Западная Римская империя (395–480 гг.) распалась из-за отсутствия границы [8; 10; 14]. Ее погубили демографический взрыв и миграционные процессы в Центрально-Восточной Европе. Говоря геополитически, *европейский античный проект* поглотили *протофеодалы-евразийцы* (о протофеодализме евразийских кочевых этносов писал Ю.В. Мурзин [13]).

Вначале культурное преимущество переместилось с Запада на Восток империи. Расцвет ранневизантийской культуры – закат западных

римлян [9; 10]. Кроме того, понимание Востока совершенно трансформировалось после принятия христианства. *Граждане* начали смотреть на мир иначе. *Новая религиозность сформировала новую общность* (термин “*religare*”, в переводе с латыни, означает «соединение», «сообщество»). Христианская идентичность теперь равнялась римской [12, с. 63–70]. В тот момент, когда территорию Римской империи сотрясали войны, вторжения, бунты и узурпации (IV – V вв.), христианская идентичность (*religare*) позволила сохранить ощущение европейского коллективизма и сверхгосударственной общности.

Проблема субъектности варварских королевств. Галлы, завоеванные Юлием Цезарем (58–50 гг. до н. э.), окончательно соединили собственную идентичность с имперской только после христианизации (*Edictum Mediolanense 313 г.*). Хотя галло-римляне были отдельной общностью, их римская принадлежность отодвинула на второй план галльское самосознание. В V в. совершенно ничего не говорится о кельтском происхождении галлов. В это время, согласно римским источникам, Галлия состояла из *римлян и варваров* [11, с. 415–426]. То, что сами галлы в прошлом считались дикими и свирепыми варварами, вполне вероятно, позволило новым вторгающимся племенам германцев (*после 406 г.*), надеяться на возможность аналогичной культурной инкорпорации. Впрочем, для этого существовала веская политико-юридическая возможность – *право foedus* [2; 12; 14].

Когда вестготы создали первое политическое объединение федератов на римской территории (**Тулузское королевство 418–507 гг.**), политическое чутье заставило их мириться с местной имперской гражданской администрацией. Вестготы не только нашли компромисс с центральной императорской властью, но и наладили нормальные отношения с латиноязычным населением. Вестготская армия защищала себя и римлян от новых варварских нападений [6, с. 76–80].

В отличие от тулузцев, первое рейнское политическое объединение бургундов (**Рейнское вожество 413–436 гг.**), как и вестготы во времена балканских (376–401 гг.) или итальянских (401–412 гг.) странствований, проявляло определенную долю агрессии по отношению к римским порядкам. Об этом свидетельствует решение римлянами «бургундского вопроса» с помощью гуннов (436). Однако дальнейшее формирование бургундами нового **Лионского королевства (443–457 гг.)** демонстрирует идеологическую ассимиляцию бургундов римской культурой. Они проявили себя верными союзниками: помогали в 451–452 гг. Флавию Аэцию (390–454 гг.) противостоять Аттиле (434–453 гг.), совершили в 456–457 гг. испанский поход, принудив непокорных свевов подчиниться римской власти [14].

Вандалы, совместно с аланами создавшие **Карфагенское королевство на Севере Африки (в 429–534 гг.)**, тоже латинизировались. Вандалы относились предельно холодно к римлянам, но до конца V в. успели заимствовать римский образ жизни. Вандальский язык (не говоря об аланском) был забыт. Вандалы с удовольствием посещали римские бани и форумы.

14-дневное разграбление Рима королем Гейзерихом в 455 г., как и аналогичный поступок вестготов Алариха 24–27 августа 410 г., не означало ненависти к римской культуре (*бывшей, в первую очередь, культурой юридизации порядка*). Почитая христианское учение, даже в еретической арианской форме, вандалы причисляли себя к *Pax Romana* [12; 14].

Свевы создали политическое объединение на Иберийском полуострове в 409 г. Придя туда совместно с асдингами, силингами, ираноязычными аланами, свевы завоевали часть Галисии. Разгром вандалов и аланов вестготами (415–418 гг.) позволил свевам дополнительно оккупировать некоторые вандальские районы Испании. На первых порах **Бражское королевство (409–585 гг.)** (от названия римского города Брага – столицы свевских рексов) воевало с местными ополченцами. Итог войны – *договор о предоставлении Равенной права foedus*. Рим проиграл варварам политическую схватку, но победил цивилизационно [14].

При короле Рехиаре (448–456 гг.) произошла христианизация федератов-свевов. Эскалация противостояния с Равенной вынудила большую часть свевов поддаться арианской агитации вестготского епископа Аякса (456 г.). Хотя политическое объединение свевов оставалось арианским до 561 г., даже еретическое восприятие христианства позволяло иберийским федератам чувствовать свою принадлежность к *Pax Romana*. Недаром археологические исследования свидетельствуют о чеканке свевами монеты с изображением римских императоров [14].

Важное замечание. Все перечисленные выше этнонимы представляли собой только названия, но не народности. Первоначально их названия идентифицировались с конкретными этносами. Но разве двадцатипятилетнее странствование вестготов на Балканах и десятилетняя жизнь в Италии не наложили отпечаток на этничность и коллективное сознание? Разве можно списывать со счетов активные межэтнические контакты аланов и вандалов? Одни (*аланы*) прошли всю Европу – от Каспийского моря до Гибралтара. Другие (*вандалы*) совершили переход из Балтии в Испанию, где, приняв в свои ряды алан, высадились в Африке. Разве не сопровождалось все это смешением, соседскими браками, языковыми и культурными заимствованиями? Именно миксация (смешение) формирует этносы. *Народы сильны тогда, когда динамичны* [4].

Этническое самосознание не представляло для варваров-федератов той важности, которой их наделяли историки национально ориентированных школ. Каждый свободный человек с оружием мог присоединиться к военной структуре [4]. Туда попадали римляне, тюрки, иранцы, славяне. Пребывая в Африке, германцы-вандалы и аланы-иранцы часто действовали сообща с местными маврами. Этническая принадлежность перекрывалась военно-политической идентичностью – христианской религиозностью (*religare*) и «римской идеей» (*Idea Romana*) [12].

Например, аланы: во-первых, африканские аланы были воинами вандальской армии и полноправными участниками раздела добычи;

во-вторых, аланы были христианами-арианами; в-третьих, аланы вели римский образ жизни. Соответственно, *аланы являлись иранцами по происхождению, христианами по религии, германцами по политической принадлежности, римлянами по культуре.*

Другое дело – гунны (*Hunni*). Гунны, как и аланы, точно так же изменили свой культурный и антропологический облик в процессе миграции из Северного Китая и Монголии в Европу (II в. н. э.). Именно победы гуннских конных лучников вынудили варваров искать убежища в Римской империи [10]. Гуннские завоевания спровоцировали переселение народов. В лице гуннов Римской империи пришлось столкнуться с высокой степенью политической централизации. Иначе, каким образом гуннам удалось покорить несколько десятков народов и установить контроль над всей Восточной Европой?

Когда мы пишем о *королевствах федератов*, то имеем в виду *политическую организацию*. Мы намеренно называем их *политическими объединениями, военно-политическими общностями* или даже *вождествами*. Это значит, что указанные королевства, в политологическом смысле слова, *эволюционировали от племенного союза к протогосударственному устройству.*

Несмотря на развитие политических институтов, королевства федератов не могут считаться государствами. Юридически они находились в протекторатно-федеративной связи с Римской империей, обозначенной правом foedus.

Смысл права *foedus* свидетельствует о правовой несамостоятельности варварских королевств. ***Первый факт***, подтверждающий наше утверждение, – *предоставление права foedus империей*. Получается, что императорская власть самолично решала вопрос о предоставлении или не предоставлении *lex foedus*. ***Второй факт*** проявляется в финансово-экономических взаимоотношениях. Рим выплачивал федератам жалованье. *Варварские королевства* существовали поностью за счет римских граждан (налогоплательщиков империи). Занимаясь санкционированным императорами сбором налогов на местах, варвары также приобщались к имперской бюрократической системе.

Теория государства подтверждает: ***отсутствие юридической самостоятельности свидетельствует о негосударственном характере политического образования.*** Государство может существовать как политическая реальность. Но юридически государство может не быть (*актуальный пример Косово, не признанного Российской Федерацией, Украиной и большинством государств-членов Организации Объединенных Наций*). Для получения статуса участника международно-правовых отношений государство нуждается в юридическом признании [16, с. 18].

Значение lex foedus. В контексте истории *права foedus* мы не зря рассматриваем вопросы этнической идентичности и сознания. *Хотя этническое сознание вытекает из условий генетического происхождения племени*

(начального этногенеза), его развитие обусловлено направлением межэтнической коммуникации. В случае с варварами-федератами мы исследуем миграционное направление коммуникации. Народ, передвигающийся много лет на огромных пространствах, способен поменяться совершенно относительно начального этапа этногенеза. Обычаи и мировоззрение становятся другими. Проделали же вестготы путь от жестоких противников Рима в Скифских войнах III в. (230–270 гг.) до мирного уважительного сосуществования в Испании VI в.

По всей видимости, совершенно трансформировались взгляды варваров-федератов на проблему *независимости*. Теория государства, как исторический опыт, говорит, что независимостью может быть наделено и формально непризнанное политическое образование [1, с. 16]. Де-юре государства может не существовать на карте мира, но политически оно присутствует. Бывает и наоборот. Государства нет политически, но формально-юридическая видимость присутствует. В этом контексте важно понять одно – римское публичное право предполагало точность формулировок. На наш взгляд, это самая большая заслуга римлян перед всемирной юриспруденцией. *Если что-либо определялось юридически, то оно считалось точным*. Если вещь признавалась чьей-то в письменном юридическом порядке, то она точно принадлежала именно этому человеку. Даже если данной вещью пользовался кто-то другой или она была украдена, эта вещь оставалась признанной формальной собственностью того человека, у которого имелось на руках подтвержденное письменное право.

В правовой традиции варваров, конечно же, существовали имущественные отношения (примитивнее римских). Но принципы публичной политики не регулировались юридическими универсалиями. Они определялись экономическими потребностями. Умелая реализация конкретной потребности отдавалась в руки военного вождя (*rex, king, chief*). Если вождь не справлялся с реализацией потребности, то вместо него избирался другой правитель [5, с. 262].

Демографическое развитие Европы и миграционные процессы в Евразии заставляли германцев и других варваров проводить большую часть своей жизнь в военных столкновениях. Перманентность боевых действий на всей территории неримской Европы объясняла *неточность* формулировок. *Даже понятие войны и мира не было точным, поскольку не существовало осязательного в бытовой жизни разграничения между двумя состояниями*. Военный уклад общинной и семейной жизни (очень тесно интегрированной в политику варваров), соединенный с отсутствием точных представлений о полномочиях рекса и / или племенного совета, расширял толкование любого правила.

Правила (*протозаконы*), обсуждаемые на племенных советах, часто меняли внутреннее наполнение (в зависимости от обстоятельств очередной межплеменной войны) [12; 15]. Приход гуннов (375–454 гг.), например, вынудил германские племена Центральной Европы платить дань и постав-

лять Аттиле своих воинов. Однако ослабление гуннов в 453–454 гг. тотчас привело к отказу варваров-германцев платить дань.

В свою очередь, предоставление византийцами права *foedus* вестготам в 382 г. не означало для вестготов окончания боевых действий. Почувствовав слабость имперской армии, готы вновь и вновь бунтовали. Когда в 397 г. император Аркадий (395–408 гг.) назначил рекса Алариха командующим и диктатором Иллирика, вестготы добросовестно контролировали эту провинцию до тех пор, пока на горизонте не появились гунны. В 408 г. федераты-вестготы самовольно бросили вверенный им Константинополем Иллирик и вторглись в Италию, имея целью добиться приемлемых финансово-экономических условий существования и обеспечение выживания (в условиях гуннской экспансии) [14].

Таким образом, *самостоятельность* или *несамостоятельность* не определялись федератами *точно*. Вторжение на земли Рима совсем не доставляло приятности самим вторгающимся. Варвары вынужденно сражались и умирали, навсегда бросали насиженные места, рисковали жизнью семей. Чувствуя слабость римской военной машины, потерпев сокрушительные поражения от гуннов, германцы жаждали завоевать силой мирную жизнь на пригодной для хозяйственной обработки земле Рима. Они действовали, демонстрируя естественное право силы. С помощью применения естественного права силы германцы сумели завоевать для новой жизни отдельные римские территории. Ради мирного характера этой жизни варвары принимали условия римских императоров. *Lex foedus* означал возможность передышки после многолетних боевых действий и время для организации мирного домашнего быта. Для римлян *foedus* означал юридическую гарантию сохранения империи. *Lex foedus* – яркий пример того, как римляне, теряя государство политически, обеспечивали его существование юридически.

Влияние римского гражданского права только начинало сказываться на жизни варваров-федератов. До построения государства, организованного и функционирующего путем права, было еще далеко. Однако варвары выжили, заняли сельскохозяйственные территории и стали политической реальностью, с которой римлянам, независимо от их желаний, необходимо было считаться. *Lex foedus* – юридический результат этой необходимости.

Ощущая важность и необходимость определения *foedus*, отметим, что его значение одинаково велико для политического становления варварских королевств и для юридического существования Римской империи. ***Все королевства варваров, появившиеся на римской территории, датой своего создания считали год предоставления императором права foedus.*** Мигрирующие народности попадали под протекторат Западной Римской империи и вступали в федеративную связь с императором.

Гуннский пример 439 г. (альтернативный статус федератов). Необходимо помнить об изменчивости содержания *foedus*. Оно могло варьироваться в зависимости от конкретной военно-политической ситуации.

Одно – рассматривать *foedus* в связи с образованием варварских королевств. Другое – содержание права *foedus* для гуннов (439 г.).

Вождь Атилы (434–453 гг.) в конце 430-х гг. контролировал всю Восточноевропейскую равнину. Делятся жаркие споры о масштабе подконтрольной ему территории [7; 10; 12; 14]. Понятно одно: гуннская организация была построена совершенно иначе, чем германская [2; 4; 13]. Гунны всегда отличались лучшей дисциплиной, иной мотивацией. Их интересы концентрировались вокруг политики, а не выживания. В данном случае нажива была лишь инструментом политического возвышения.

Наличие внутренней политической организации высокого уровня, вне которой невозможным оказалось бы завоевание большой территории, продуцировало конкретную юридическую реальность. *Она восходила к опыту коммуникации гуннов с народами (сяньбийцы, персы, манси), имевшими другие представления о жизни, нежели античные эллины и римляне.* Очевидно, что гуннская организация приближалась к теоретической дефиниции государственности. Но это была *другая государственность*.

Трудно представить, что право *foedus* на Западную Паннонию, полученное Атилой от Валентиниана III (439 г.), обозначало интеграцию гуннов в юридическое пространство империи. Да и гунны не стремились интегрироваться. Они были слишком сильными, выживание для них не стояло на первом месте. Вероятно, пожалование *foedus* гуннам являлось жестом добрососедства и дипломатическим ходом для закрепления хороших отношений. В данном случае мы говорим о *международно-правовом акте – передаче территории одного государства другому*. До сих пор Римская империя добровольно не передавала целую провинцию другой стороне.

Акт 439 г. обозначал также признание Гуннского политического образования (*конфедеративного вождества*) Римом. Чтобы аргументировать передачу варварам провинции добровольно и в мирное время, вначале римляне должны были объяснить этот поступок идеологически. Лучшим объяснением могло быть только юридическое признание государственности (равноправия с Римом). Получение гуннами права *foedus* в 439 г., конечно же, выходит за рамки аналогичных пожалований. В данном случае вполне могло сказаться традиционное понимание права *foedus* как пожалования «союзнического титула».

Неразрешенным остается вопрос, осуществлялась ли римская гражданская власть на территориях, переданных гуннам. Археологические данные свидетельствуют о тотальном запустении Паннонии [7]. *Плодородная провинция превратилась в придаток Великой евразийской степи.* Возможно также, что римский контроль имел номинальную природу. В любом случае последствия (что заставляет нас говорить о его сущности) договора с гуннами коренным образом отличались от последствий договоров с другими федератами.

Остается и, видимо, останется открытым вопрос, какой была юридическая форма взаимоотношений между Римской империей и гуннами в 420–430-х гг., до договора 439 г. Ведь гунны к тому времени уже были союзниками Запада, усмиряли бунтующих федератов (вестготов и бургундов). Могли ли они это делать без юридически *точно* определения своей связи с Римом, регламентирующего условия похода, полномочия и вознаграждение? Позволим себе усомниться в этом.

Вывод. Римляне использовали собственную юридическую точность во благо Империи, тогда как варвары-германцы, проявив пренебрежение к форме и значению формулировок, завоевали собственное место на политической карте Европы. Варвары не видели существенного значения римских условностей. И, как показывает изложение практики *foedus*, не стеснялись себя договорными рамками. В этом ключе варвары-федераты проявляли естественную *независимость*.

Международное право всегда зависело от идентичности и самовосприимчивости народных масс. Римляне считали, что варвары им подчиняются, тогда как варвары подчинялись римлянам только для виду (в условиях необходимости сохранения мирной жизни), а иногда в условиях силового давления. Вспомним пример бургундов, экспансию которых в Бельгию Флавий Аэций смог остановить только путем применения войск Атиллы (436 г.). Ведь бургунды на тот момент юридически, то есть согласно римской точке зрения, были федератами Рима, что, конечно же, делало их подчиненными римской военной власти. Но бургундская точка зрения, очевидно, в корне отличалась от римской. Увидев временное ослабление Равенны, бургунды занялись реализацией собственных интересов. *Получается, что Рим всегда считал бургундов частью империи, а бургунды себя таковыми считали ситуативно.* При этом бургунды соглашались (до и после 436 г.) на получение права *foedus* и номинально клялись в верности западному римскому императору.

Может быть, *юридические понятия и формулировки античной правовой традиции* не были доступны их пониманию. Однако варвары знали, что документы и обряды связывали племена с Римом, а это предоставляло возможности дополнительных политических маневров и часто являлось необходимым условием сохранения мира.

Литература:

1. Абашидзе А.Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера. *Московский журнал международного права*. 2017. № (4). С. 19–30. URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-19-30>.
2. Буданова В.П. Великие миграции II–VII вв.: этапы и системно-структурная характеристика. *Преподаватель XXI век. МПГУ*. 2013. № № 4–2. С. 268–275.
3. Верещагина Н.В. *Курс лекций по истории мировой культуры и искусства*. Одесса : Астропринт, 2013. 268 с.
4. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. Санкт-Петербург : Азбука, 2014. 480 с.

5. Казанский М.М., Перен П. «Королевские» и «вождеские» погребения раннемеровингского времени в Галлии. *Краткие сообщения Института археологии*. 2014. № 234. С. 262–286.
6. Коньков Д.С. Трансформация социальных связей в Аквитании в ходе формирования Вестготского королевства. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № № 2–3 (54). С. 76–80.
7. Котигорошко В.Г. Верхне Потисся в давнину. Ужгород : Карпати, 2008. 432 с.
8. Куликова Ю.В. Характерные черты внешней политики Западной Римской империи накануне ее падения. *Семёновские чтения : материалы XI Всероссийской научной конференции памяти В.Ф. Семёнова*. Москва : МПГУ, 2018. С. 49–57.
9. Ле Гофф Жак. Рождение Европы. Санкт-Петербург : Александрия, 2014. 398 с.
10. Люттвак Э.Н. Стратегия Византийской империи. Москва, 2016. 664 с.
11. Манукян Э.М. Род Аполлинариев и социокультурные стратегии галло-римской аристократической фамилии в IV–V вв. *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Серия «История, политология». 2018. Т. 45. № 3. С. 415–426.
12. Мельник В.М. Смена эпох: очерк формирования римско-византийской доктрины международного права (III–VI века). *Аннали юридичної історії*. 2018. Т. 2. № № 1–2. С. 63–108.
13. Мурзин В.Ю. Скифская проблема глазами автора. Киев, 2014. 120 с.
14. Мюссе Люсьен. Варварские нашествия на Европу: германский натиск. Пер. с фр. А.П. Саниной. Санкт-Петербург : Евразия, 2008. 400 с.
15. Суровень Д.А. Правовое положение населения по «Салической правде»: к вопросу о сущности варварских обществ и государств. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2015. № 14. С. 87–151.
16. Толстых В.Л. Государство в историческом и международно-правовом контексте. *Московский журнал международного права*. 2017. № 106 (2). С. 18–28. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-106-2-18-28.

Мельник В. М. Зауваження щодо міжнародної правосуб'єктності варварських королівств Європи (V – VI століття)

Анотація. Статтю присвячено проблемі правосуб'єктності за доби пізньої Античності та раннього Середньовіччя. Предметом авторського дослідження є міжнародний юридичний статус варварських королівств, заснованих на території Західної Римської імперії, після проголошення Едикту Феодосія (395 р. н. е.).

Ключові слова: античність, середньовіччя, варвари, Західна Римська імперія, міжнародний юридичний статус, суверенітет, політична незалежність, юридична незалежність, *lex foedus*.

Melnyk V. Remarks on the international legal status of barbarian kingdoms (chiefdoms) of Europe (V – VI centuries)

Summary. The article examines in detail the problem of legal status in the era of late antiquity and the early middle ages. The author uses the political-anthropological theory and methodology, when characterizes the barbarian kingdoms of the V – VI centuries, as “inferior states”. The problem of incompatibility of the concepts of “political sovereignty” and “legal sovereignty”

is studying. It has great importance for the historical theory of international law. The context and intertext of the *lex foedus* are analyzed, which, in the author's opinion, denotes a system of "protector-federative" official and legal relations between Rome and the barbarian tribes. The main examples of the narrative are kingdoms of Ostrogoths, Visigoths, Vandals, Alans, Svevs and Burgundians. Describes in detail the context of the mutual relations of the Romans and Burgundians in the time of the Rhine and Lyon kingdoms. The author draws attention to the ideology of Roman public law. The Roman emperor, according to this statement, was the sovereign and legal ruler of all kingdoms, which in modern historiography decided to call "barbaric". Special attention is paid to the legal relations between the Huns and the Romans in 395–454.

Key words: Antiquity, Middle Ages, barbarians, Western Roman Empire, international legal status, sovereignty, political independence, legal independence, *lex foedus*.